

УДК 82.0+821.161.3

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ
В БЕЛОРУССКИХ РОМАНАХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕМАТИКИ***канд. филол. наук, доц. М.М. ИОСКЕВИЧ**(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)**marioskevich@yandex.ru*

Белорусские романы производственной тематики 1950 – 80-х гг. являются произведениями, испытавшими воздействие советского социального мифа, утверждающими в качестве ключевой социальной мифологемы превалирование общественного над личным. Их герои оказываются в символическом «мертвом пространстве», которое составляет архаический пласт социального мифа. Авторские пути воплощения символических мортальных мотивов чрезвычайно разнообразны. Символические мортальные мотивы возникают посредством изображения элементов мира художественного произведения, вызывающих негативное читательское восприятие: пейзажа, ольфакторного компонента, локуса повседневности социального и личного пространств героев, системы ценностей антагонистов. Основная функция протагониста – противостоять «мертвому пространству», выступающему в начале романов в качестве экспозиции, стремиться преобразовать его, «оживить». «Мертвое пространство» также обуславливает развитие внешнего социального конфликта данных произведений.

Ключевые слова: белорусский роман, производственная тематика, мортальные мотивы, социальный миф, архаический миф, мертвое пространство.

Введение. В настоящие дни внимание исследователей привлекает гуманитарная и, в частности, литературоведческая танатология, объектом которой является феномен смерти. Ученые отмечают междисциплинарный статус данного аспекта, который «усиливает исследовательский волонтаризм» [1, с. 1]. Одной из задач литературоведческой танатологии, определенных Р.Л. Красильниковым, выступает изучение танатологической проблематики и танатологических элементов на всех уровнях литературного произведения [2]. Как мы полагаем, изучение танатологической проблематики должно также включать рассмотрение символического образа «смерти». Это подтверждает и работа Т.А. Лисициной, которая, исследуя понятие смерти в русской литературной традиции, в качестве одного из направлений выделяет восприятие смерти как «длительного процесса умирания души», признавая это самой острой темой в русской философско-литературной традиции: «живой труп», «мертвая душа», «лишний человек» – «вот ярчайшие образы русской культуры, отразившие философское осмысление смерти и жизни в их сложной взаимосвязи» [3].

Символические мортальные мотивы находят широкое воплощение в произведениях, испытавших воздействие социального мифа. В широком понятии социальный миф – это обобщенное иллюзорное представление о действительности, осуществляющее большое влияние на массовое сознание. П.С. Гуревич дает более узкое определение социального мифа как особого вида духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы [4, с. 9].

Многие исследователи полагают, что в структуру социального мифа входит традиционный миф, составляя своего рода основу – архаический пласт, над которым надстраивается социальный, или конъюнктурный компонент. Социальный (политический) и традиционный (архаический) миф также выявляют ряд общих черт. О.Г. Рюмкова утверждает, что политический миф отображает такие особенности традиционного мифа, как символизм, концептуализм и системность, формирование образа сверхчеловека, мифологизация исторической действительности, пространственно-временные контакты, дихотомия добра и зла, анонимность мифотворчества [5, с. 92]. В архаическом мифе понятие «смерть» является одним из ключевых. В волшебной сказке, обнаруживающей прямую связь с архаическим мифом, проведена четкая граница между «миром живых» и «миром мертвых», обладающих отличительными характеристиками и собственной системой персонажей.

К произведениям, испытавшим воздействие социального мифа, относятся белорусские романы производственной тематики 1950 – 80-х гг., утверждающих в качестве ключевой социальной мифологемы превалирование общественного над личным. Их герой, подобно сказочному герою волшебной сказки, оказывается в символическом «мертвом пространстве», которое требует преобразования. Таким образом, цель данного исследования – выявить авторские пути воплощения символических мортальных мотивов в произведениях производственной тематики. Материалом исследования послужили романы «За годом год» В. Карпова, «Атланты і карыятады» И. Шамякина, «Не магу без цябе» Л. Гаврилкина, «Доказ ад процілеглага» В. Гигевича.

Основная часть. В романе «За годом год» в качестве «мертвого пространства», где оказывается главный герой Василий Юркевич, выступает послевоенный Минск, лежащий в руинах, ведь гитлеровцами в городе уничтожено семьдесят пять процентов коммунального жилого фонда. Для людей, озабоченных его восстановлением, город является живым, страдающим существом, «измученным, но упорным», бесконечно родным. Однако в нем «страшно, как в горелом лесу» [6, с. 20]. Смерть несут мины, притаившиеся в неожиданных местах, на которых подрываются дети. Многие жители живут в полуразрушенных подвалах, землянках – неестественных, «мертвых» сооружениях: «от прежнего дома остался только подвальный этаж. Люди накрыли его чем могли – горбылями, обгоревшей жостью... Сверху насыпали земли. Сквозь этот потолок-крышу, уже поросшую пылью, вывели дымовые трубы – из кирпича, из водосточных труб. Окна в подвале до половины были забиты и тоже присыпаны землей» [6, с. 2].

Архитектурное управление вынужденно размещается в старом прикостельном здании на площади Свободы. В этом помещении заплесневелые, с подтеками стены, темный сводчатый потолок, горбатый и скрипучий пол. Образ «мертвого» пространства передается с помощью ольфакторных характеристик: здесь пахнет нежилыми запахами – пылью и плесенью, царит полумрак. Негативное восприятие этого здания, его «мертвый» образ соотносится с ценностными установками в плане градостроительства начальника управления Понтуса, антагонистом Юркевича.

Люди, перенесшие страдания войны, также принадлежат «мертвому пространству», что отражено на восприятии их телесности: «Она была худая, измученная. Горе и усталость наложили следы не только на еще молодое бледное лицо и фигуру с острыми плечами, но и на жесткие, без блеска, волосы, которые уже почти невозможно было аккуратно причесать» [6, с. 3]. Однако стремление к жизни не уничтожено безвозвратно, люди изо всех сил пытаются сохранить атрибуты мирной повседневности: «в нише окна зеленел вазон с геранью и висела раскрашенная клетка со щеглом, который порхал с перекладины на перекладинку» [6, с. 4].

В городе еще присутствуют отголоски продолжающейся войны – по улицам двигаются войска, идут колонны пленных немцев, действуют патрули, работают саперы. Но военная повседневность уже уступает повседневности мирной, вынося на первый план иные ценности и жизненные практики: «уже завтра люди вспомнили, что среди руин у них есть огороженные обгорелыми кроватями грядки порывевших от пыли капусты и бураков, кое-что припрятано в земле, кое-что осталось на пепелищах» [6, с. 1]. Город поглощает огромное количество людей, которые «растворяются» в его пространстве, теряя приобретенные за время войны, вынужденные статусы беженцев, партизан, подпольщиков, узников концлагерей, и становясь просто минчанами. Население Минска пополняется за счет наплыва специалистов из разных районов СССР. Возвращается и административно-партийное руководство. Прибывшая толпа уподобляется влаге, которую будто бы «впитывает» освобожденная земля. Эта людская «влага» способствует перерождению города, его предстоящему «расцвету». Субботники по разбору развалин, в которых участвуют горожане, становятся первоочередными практиками в первые месяцы после освобождения города. Бывшие партизаны и подпольщики, связанные между собой отношениями еще с военных лет, оказываются вовлеченными в процесс «оживления», восстановления Минска.

«Жизнь» в городе пока перемещается на окраины, где уцелели деревянные домики с палисадниками, с улицами, «поросшими подорожниками и муравой», – именно такие уголки стали Минском. Однако эти домики также входят в «умирающее» пространство, ведь война состарила их, вогнала в землю: «выщвели ставни, жестяные крыши домов, накренились заборы, возле них буйно разрослась крапива» [6, с. 21]. Город нуждается в новой планировке, современном образе, многоквартирных домах.

С первых страниц романа И. Шамякина «Атланты і карыятыды» обнаруживается параллелизм между описанием городского пейзажа и чувствами героя. Читатель попадает в «мертвый мир» наступающей зимы, которая традиционно сопутствует мортальным мотивам как царство холода и темноты: «Паўночны вецер сёкануў па твары первым зарадам снежнай крупы – кароткім, як аўтаматная чарга» [7, с. 3]. Главный герой романа Максим Карнач отводит свою кандидатуру на выборах в горком партии. Горком партии – это высший орган городской организации КПСС, он избирался городскими конференциями. Статус члена городского комитета КПСС был более высоким, чем статус члена городского совета народных депутатов. Поступок Карнача беспрецедентен, что вызвало неоднозначную реакцию сослуживцев. Ведь, по сути, Карнач нарушил партийную дисциплину, отказавшись от почетной должности, от доверия руководства, чему в советском обществе был присвоен статус ценности. Как результат, Карнач чувствует общественное отчуждение, символизирующее «смерть» в социальном пространстве: «Адны знаёмыя прашмыгвалі міма, робячы выгляд, што не бацаць, другія хутка развіталіся, ветліва дакранаючыся пальцамі да капелюшоў. <...> Прапусkali яго і бесцырымонна разглядвалі, як, напэўна, разглядалі б чалавека, што зрабіў гераізм ці, наадварот, учыніў дэбош. <...> Сваім самаатводам ён як бы адзьяліў сябе ад пэўнага кола людзей» [7, с. 4].

Личное пространство героя также обладает признаками «мертвого мира» – «умирает», угасает его семейная жизнь: «ісці ва ўласную кватэру ўсё адно што вось у такую асеннюю ноч лезці ў дрыгву, дзе, акрамя макраты і холаду, можна напаткаць большую небяспеку» [7, с. 23]. Герой пытается анализировать события, понять, что послужило причиной его разлада с женой. Отчужденность в отношениях появилась, когда Даша избавилась от нежеланного ребенка. Это перевернуло душу Максима, и он в пылу ссоры бросает страшный упрек жене, которая в чем-то «умерла» для мужа: «Ты мне патрэбна натуральная, а не выпатрашаная і размаляваная» [7, с. 32]. Ревность жены также способствует отмиранию любви, ведь она уничтожа-

ет, разъедает чувство как «карозія метал» [7, с. 33]. Даша способна неделями молчать, наказывая мужа за проступки. Для героя, привыкшего делиться мыслями и переживаниями, такое поведение жены становится настоящей мукой: «такая дэпрэсія упершыню з’явілася тады, калі Даша пачала сеансы свайго зацятага маўчання. Абыякаваць да ўсяго, бяздумнаць і бязвольнаць – ні за што не хочацца брацца, нічога не хочацца вырашаць, любым сур’езным праблемам, здавалася, мазгі ставілі непранікальную заслону, праз якую лезла адно смецце – дробязныя, нікчэмныя думкі» [7, с. 75]. Жена начинает непомерно увлекаться косметикой, нарядами, становясь частью «мертвого» мещанского мира, «абыватальскага балота», которое предстает как «знешне прыгожае, але ад гэтага яшчэ больш небяспечнае» [7, с. 26].

«Мертвое пространство» в романе «Не магу без цябе» отражено в локусе производства героев романа. Десять лет белорусские нефтяники заняты поиском нефти, но результаты неутешительны.

Главный герой Виктор Буткевич живет в Крыму с женой Тamarой и ее родителями, имеет перспективную должность. Однако он подает заявление о переводе в родную Белоруссию, решив посвятить свою деятельность поиску нефти. Прибыв на буровую, герой попадает в «мертвое пространство». Здесь люди не верят в успех своего профессионального дела. Некоторые рабочие оказываются на нефтеразведке исключительно из-за высокого заработка. На буровой очевидны равнодушие и уныние, многие отказываются от работы: «Шкварнік, дык той звольніўся. Хто з бліжэйшых вёсак, сена дома косяць, а хто падаўся на іншыя буравыя. А мне казалі быць тут, пакуль не пачнуць разманціраваць. Ды нешта болей месяца ніхто носа не паказвае. Другую калоду картаў з Васькам дабіваем» [8, с. 60]. Более того, герой обнаруживает, что разведка ведется поверхностно, не затрагивая глубинные слои почвы, лишь для выполнения досрочного плана и получения премии. К слову, подобные настроения царят и в министерстве, где разведка нефти оказывается не решающим фактором для развития промышленности, а лишь средством удержать портфель министра. Нефть или должна быть найдена, или необходимо прекращать нефтеразведку.

В романе «Доказ ад процілеглага» «мертвое пространство» воплощено в утрате у персонажей заинтересованности в производственных вопросах, общественных делах, что противопоставляет их главному герою – руководителю лаборатории Разорчику. Роман посвящен одному дню из жизни сотрудников лаборатории электросхемного ремонта. На работе герои обсуждают посторонние темы, которые не связаны с производством. Ремонт оборудования превращается в автоматическую практику, не требующую пристального внимания, поэтому людям интересно совсем другое: летающие тарелки, сны, пророчества, наскальные рисунки, тайный смысл волшебных сказок и библейских легенд: «гэтыя казкі – успаміны людзей пра прылёт іншапланецян. <...> ступа – ракета, мятла – вогненны шлейф. Ды і тое ж уваскрашэнне Хрыста – не што іншае, як адлёт на сваю далёкую, нам невядомую радзіму» [9, с. 307]. Как известно, именно в переломные эпохи обостряется интерес к оккультным наукам, социальные кризисы способствуют росту оккультного знания. В переломные эпохи, когда общий кризис сопровождается духовным кризисом, происходит оживление оккультизма, отход от рационального к иррациональному. Возрождается вера в колдунов, хиромантов, астрологические прогнозы, спиритизм [10].

Подобные «материалы» на листках папиросной бумаги, приносит на работу Роман Борисович Алмазов. Он дает их читать сослуживцам «под секретом», потому что информация, содержащаяся в них, псевдонаучна и не одобряется в плане распространения. Любопытны воспоминания Т. Воеводиной, которая утверждает, что те годы «даже погода вспоминается серая. В магазинах – ничего особо интересного, на работе – переливание из пустого в порожнее, малейшая инициатива пресекается, все интересное запрещается, даже такая безобидная чепуха, как йога или астрология» [11]. Социальное пространство конца 1970-х – начала 1980-х гг., таким образом, приобретает признаки мифологического «мертвого мира», что свидетельствует о нарастании кризисных явлений в советском обществе.

Заключение. Таким образом, авторские пути воплощения символических смертных мотивов чрезвычайно разнообразны. В белорусских романах производственной тематики «мертвому пространству» архаического пласта социального мифа соответствуют символические смертные мотивы, которые возникают посредством изображения элементов мира художественного произведения, вызывающих негативное читательское восприятие: пейзажа, ольфакторного компонента, локуса повседневности социального и личного пространств героев, системы ценностей антагонистов. Основная функция протагониста – противостоять «мертвому пространству», выступающему в начале романов в качестве экспозиции, стремиться преобразовать его, «оживить». «Мертвое пространство» также обуславливает развитие внешнего социального конфликта данных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варавва, В. В. Современная российская танатология (опыт типологического описания) [Электронный ресурс] / В. В. Варавва. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/490/57/>. – Дата доступа: 06.05.2019.
2. Красильников, Р. Л. Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии / Р. Л. Красильников // Мортальность в литературе и культуре : сб. науч. тр. / Ред.: А.Г. Степанов, В.Ю. Лебедев. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – С. 7–17.

3. Лисицина, Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия [Электронный ресурс] / Т. А. Лисицина. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/lisicina-ta/obrazy-smerti-v-russkoj-kulture-lingvistika-poetika-filosofiya>. – Дата доступа: 06.05.2019.
4. Гуревич, П. С. Социальная мифология / П. С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
5. Рюмкова, О. Г. Политический миф : теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / О. Г. Рюмкова. – М., 2004. – 152 с.
6. Карпов, В. В. За годом год [Электронный ресурс] / В. В. Карпов. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=221796>. – Дата доступа: 10.05.2019.
7. Шамякін, І. Атланты і карыятыды / І. Шамякін – Мінск : Маст. літ-ра, 1985. – 430 с.
8. Гаўрылкін, Л. Не магу без цябе / Л. Гаўрылкін. – Мінск : Маст. літ-ра, 1985. – 344 с.
9. Гігевіч, В. Карабель: апавесці, раман / В. Гігевіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 462 с.
10. Матвеева, А. И. Философия : учеб. пособие [Электронный ресурс] / А. И. Матвеева. – 2018. – Режим доступа: <https://books.google.by/books?isbn=5040979274>. – Дата доступа: 01.08.2018.
11. Воеводина, Т. Чего «совкам» в «совке» не хватало? / Т. Воеводина // Литературная газета. – 2015. – № 33 (26 авг.). – С. 3.

Поступила 17.05.2019

SYMBOLIC MORTAL MOTIFS IN BELARUSIAN NOVELS ON THE TOPIC OF WORK

M. IOSKEVICH

1950s–80s Belarusian novels on the topic of work experienced impact of Soviet social myth, asserting the prevalence of public life over personal life as a key social mythologem. Their heroes find themselves in symbolic «dead locale», which forms the archaic layer of social myth. Authors' ways of embodying symbolic mortal motifs are extremely diverse. Symbolic mortal motifs arise through the image of elements of fictional world which cause negative readers' perception: landscape, olfactory component, locus of everyday social and personal spaces of the characters, value system of antagonists. Protagonist's main function is to resist «dead locale», which acts as an exposition at the beginning of the novels, and strive to transform it, «to revive». «Dead locale» also causes the development of external social conflicts in these novels.

Keywords: *Belarusian novel, working theme, mortal motifs, social myth, archaic myth, dead locale.*